

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

Председатель партии “Справедливая Россия”

БУДЕМ ВМЕСТЕ СРАЖАТЬСЯ ЗА ПРАВДУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!

Хочу искренне и от всей души поздравить замечательного поэта и не менее замечательного многолетнего главного редактора журнала “Наш современник” Станислава Куняева с 85-летним юбилеем. А ещё хочу его поздравить как коллегу-геолога. Геологи – особые люди. Смысл их жизни – поиск. Вот и Станислав Куняев всю жизнь ищет слова и образы для своих стихов (чего стоит его ставшая хрестоматийной строчка: “Добро должно быть с кулаками”!), идеи и мысли для своей яростной и местами спорной публицистики, новые молодые таланты для публикации на страницах журнала. “Справедливая Россия” и редакция “Нашего современника” активно сотрудничают в отборе, оценке и определении лауреатов ежегодной литературной премии “В поисках правды и справедливости”, учреждённой партией для молодых поэтов, прозаиков и публицистов. Многие лауреаты этой премии стали авторами журнала. Сегодня они достойно представляют российскую литературу, являяются её надеждой и опорой.

Доброго здоровья, творческого долголетия и новых свершений во всех ваших начинаниях, дорогой Станислав Юрьевич! Будем вместе сражаться за правду и справедливость!

Так держать!

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

Председатель Российского детского фонда

НЕУДОБНЫЙ КУНЯЕВ

Мы знакомы со Стасиком давным-давно. Вернее, это я его знаю с 1967 года, ещё вовсе и не познакомившись с ним лично. Из Новосибирска, куда я уехал из родной Вятки сборком “Комсомольской правды”, меня перевели на работу в Москву, и, отдалённый тысячами вёрст от семьи, я принялся писать первую свою большую повесть “Чистые камушки”. Писал, ни с кем не перемолвляясь даже звуком (и сейчас считаю это непременным для себя правилом), после работы сидел в большом общем кабинете ЦК комсомола на проезде Серова и, перекусив в буфете, оставался тут до поздней ночи.

Первое, что уверенно, ни минуты не сомневаясь, вывел тогда на первом листке, был эпиграф: “Добро должно быть с кулаками”. Имя автора материализовалось через пару, может быть, лет, но уверенность жёстко построенного утверждения не только вела меня, пока я писал повесть, но ведёт и всю жизнь, во всём, что мне приходилось и приходится одолевать. В общем, эти слова, этот бескомпромиссный приговор, даже – выстрел, – ранит своей точностью всякий раз, когда я не только цитирую, но просто думаю о них.

И как же достойно было познавать, что эта строка абсолютно, без всякого отступа, совпадает с личностью автора.

Станислав Куняев – служащий правде. Я не знаю случая, когда бы Куняев и правда не совпадали. Такое убеждение приходит, говоря откровенно, не сразу. Даже после полудискуссии-полудраки “Классика и мы” в ЦДЛ, которой мне пришлось быть свидетелем и которая вызвала сотрясение основ в “больших домах”, я не пришёл к такому выводу. Да, бойня, да, стычка двух – или даже более – воззрений, но ту сечу за непреклонность истины можно было принять за молодую самоотверженность. Все ждали умиротворения, и кто-то его достиг.

Но не Стасик. Прошли годы, и многое в его жизни для меня оказалось за занавесью. Он был поэтом, стал секретарём Московского союза, сидел в буфетах ЦДЛ, насквозь пропитанный то ли отвагой поэзии, то ли неприкрытым спором о русскости – не мне судить. Тем более, я пошёл обочь, в литературу для юношества, а там позволялось много такого, за что взрослая литература не бралась, к примеру, нравственные метания слёток принимали за возрастное: окрепнут, мол, и успокоятся. А если – напротив...

Но если у литературы про младших были и всемогущие покровители, вроде Сергея Владимировича Михалкова, и разумные управители, как, к примеру, Константин Федотович Пискунов, директор “Детгиза”, пришедший к своему столу из курьеров, то “взрослая” поэзия и проза словно нарочно сталкивались чуть не по понедельно, подогреваемые и остужаемые модной тогда литературной печатью. Станислав Куняев обретался в самом что ни на есть кипящем вареве.

И всегда, когда мы накоротке пересекались с ним, он был готов, мне казалось, немедленно завернуть рукава, скинуть пиджак и броситься с кулаками за правду, которой служил.

И вот он пришёл в “Наш современник”. Одними – возносимый, другими – поливаемый. Перед Стасиком журнал этот стал знаменем русского народа: Сергей Викулов привёл туда целую плеяду – жизнь выдвинутую плеяду истинно русских сыновей: Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Сергей Никитин, Василий Белов, Евгений Носов, догонявший их Валентин Распутин.

“Современник” демонстрировал свою преднамеренную, отборную особенность: деревенская жизнь (кроме Ю. Бондарева), народное бытование, всё, что идёт от земли – это и есть русскость.

Оказалось, этого мало. Русскость давно вышла за пределы своего народного бытования, а викуловский, хоть и честный, и верный, но выбор всё-таки ограниченный отсекал всё остальное.

И Стасику пришлось расширять круг мышления.

Помню, что одной из первых, конечно, глобальных, философских, непостижимых и до сих пор не только что не понятных, но и непрочитанных гигантских публикаций стала “Пирамида” Леонида Максимовича Леонова. Она настолько выламывалась из предшествовавших традиций “Современника”, что её и печатали-то как бы отдельно, вроде приложения к журналу. Может, и в самом деле – “Пирамида” есть приложение ко всей отечественной словесности, как предположение грядущего, пролог к чему-то не ясному пока для нас? И, может, не нам осмыслять это так непросто написанное пророчество?

А далее “Наш современник” Куняева в советничестве с Вадимом Кожинным смело ввёл ранее приглушённую, щемящую ноту – русскую классику, признаваемую “второстепенной” во лета оны, но вдруг оказавшуюся более чем первостепенной: например, Тютчева. Аристократ, выросший и состоявшийся на Западе, Фёдор Иванович оказался русским патриотом такого неподкупного свойства, что это-то и следовало всячески возносить – не как серию литературоведческих разборов, а как развитие его философом, состоящих-то порой всего из одной строчки. Если бы мы хотели не просто сами жить, а продолжать начатые в советские поры деяния в защиту русскости, её утверждение и новое назначение.

В разных форматах, на разном уровне, в дни новых страданий и старых предательств, “Наш современник”, переплавляя в новые ценности старые девизы, сохранял подлинность правды.

Куняев, даже ценой собственной поэзии, был первым, как всегда, был закопёрщиком в отыскании неудобной правды. Его книги публицистики,

напечатанные сначала в журнале, а потом и томами, циклами томов, будто бы горюпясь к какому-то новому берегу, устанавливали иные связи между нами и классикой, жёстко разбирая “исторические” измышления и разного свойства ложь.

Мне кажется, “Наш современник” советских лет как-то отплывал в сторону, назад, его авторы, сделав безмерно важное, сказав о том, что было забыто или извращено, теперь уступают анализу того, что будет. И здесь весь неподкупный образ главного редактора, вся его отвага определяют правдивость и честность русских страданий первой четверти двадцать первого века. А правда, как ведомо, всегда неудобна, как неудобна бескомпромиссность личности Станислава Куняева.

В “Нашем современнике” – смелая поэзия, отважная публицистика, надёжная проза. И всё это обретено разумом, верностью и отвагой его главного редактора.

Я не раз говорил ему: “Почему журнал называется “Наш современник”? Ну ладно, в советское время “наш” к нему подходило. Но сейчас-то! Может, пора нескромно вспомнить Некрасова и вернуть старое и вовсе не скромное название “Современник”?”

Стасик пока усмехается и отшучивается. Но то, что сделал для журнала он сам, ничуть не меньше трудов Некрасова. Правда, говорят, Некрасову в карты везло. А сейчас с кем играть?

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

ЕСТЬ МЕСТО ИМ В СНЕГАХ РОССИИ...

На стене – портрет Пушкина. Станислав Юрьевич Куняев рассказывает, что переписал бы “Клеветникам России”, заменив “поля” на “снега”, и жадно затягивается сигаретой.

И декламирует: “Есть место им в снегах России...”

И чего здесь больше – крепкого неприятия недругов или страсти к чистому родному снегу?

Можно пошутить: всё дело в том, что его Россия – это поля под сугробами и метелью. Агент русского холода, он жаждет Россию подморозить.

Впрочем, это же его красивое стихотворение “Увидеть Родину весной...” И точнее будет сказать иначе: он тот, для кого почвенничество – не умственная конструкция, а живая сопричастность природе со всеми её оттенками и перепадами, с чернозёмом и глиной, излучинами рек, комарами и костяникой. Это и есть его русский путь. Природа, которая учит сострадать народу. Народ, который учит слышать природу.

Станислава Юрьевича клеймили столько, что живого места не оставили, – сплошное клеймо.

И по той же логике, чудовища они все, пригретые его журналом: скульптор Клыков, композитор Свиридов, художник Глазунов, артист Бурляев, историк Кожин, поэт Кузнецов... Да-да, все-все! Распутин, Белов, Солоухин, Бондарев, Балашов, Тряпкин...

А на самом-то деле – яркие творцы, каждый со своим даром. Знаковые имена русской жизни. И никуда не денешься...

Он лих и крут? А сколько его терзали! Достаточно почитать постсоветский фэйсбук, где наши интеллигентнейшие западники (особенно старой закалки) устраивают адские партсобрания и, коллективно матерясь, желают сдохнуть всякому отступившему от “генеральной линии”. Как кошмарно далеко всё это от свободы слова и мысли!

Полагаю, что таков был “случай Куняева”. Высунулся, решил поспорить, начали унижать, топтать, задели самолюбие русского мужика, стал отвечать грубее и резче. Он и сейчас даже в дружеской беседе ловит каждый вопрос, как подранок. Слушает наострѣнным ухом. Я был рад провести с Куняевым большущую беседу.

Восемьдесят пять. Ясный ум и, может, потому что я говорил с ним доброджелательно и искренне, отсутствие готовых ответов. Нет приговоров ни революции, ни вообще двадцатому веку. Но есть глубинная преданность Родине, сопричастность её трагической и великой судьбе. И это главное и во всех его книгах, и в стихах...

Голос с жёсткими интонациями, но не обличителя. Медь голоса, которым декламируют. У Куняева очевидная привычка с влюблённым нажимом читать стихи — свои и чужие, близких и дальних... Помногу, по памяти.

Он совсем не случайно признаётся, что все его идеи идут от сердца, от чувств, от переживаний...

Он предпочитает ответы в виде собственных стихов, и если давать наш разговор целиком, получится внушительная подборка. Говорили почти четыре часа, поэтому хватит даже на сборник.

Голос твёрд, а взгляд уплывает вместе с водами вологодской Мегры, где по-прежнему рыбачит.

— Вы еще и курите?

— Да нет, это я сейчас... про поэзию заговорили... адреналин!

Он мягко улыбается, моргает сквозь очки, делает новую жадную затяжку, замолкает, выуживая из памяти чью-то строку (неважно: свою или нет), и декламирует возвышенным медным голосом.

— Ночь уже! Расходитесь! Эх, надымил! — в кабинет заходит бородатый мужичок, тоже в очках, но скреплённых изолентой.

— Мой Савельич, — смущённо смеётся Куняев. — Я если сил наберусь, хочу на войну поехать, в Донецк, там почитаю...

Отвечаю:

— Это можно устроить.

Савельич за спиной своего Петруши машет руками, живописно корчит физиономии, и вся тревога понятна: не надо ему, старому, никуда, не то здорье...

Выходим во двор, в темноту, под снег, лобзаемся с Куняевым троекратно, и на миг кажется — не в центре города, а посреди чистого поля.

Они садятся в потрепанный “Жигулёнок”, Савельич заводит мотор, и пропадаю в метели.

Станислав Юрьевич, сил, радости, побед! Новых стихов!

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

председатель Союза писателей России

КАКИЕ НАШИ ГОДЫ!

Дорогой Станислав!

Вот ты стал ещё богаче и сильнее. Конечно, не капиталом. Это как-то русским писателям не дано. А опытом, духом, литературой, культурой, нашей историей, верой в конечную Победу России. Я уже не говорю о твоих успешных рыбных победах в северных реках страны, что позволяет многим соотечественникам поставить вопрос о новом министре рыбной промышленности, который наконец-то решит в стране проблему доступности рыбы простым людям.

Но ты же не можешь разорваться: надо литературой заниматься, культурой, журналом...

Я всегда называл “Наш современник” стратегическим журналом русских писателей, где есть место и молодёжи, и уже зрелым талантам, где вырабатывается дух и стиль современной литературы.

Имена Белова и Распутина служили духовными маяками для современников, они собирали русский народ, вдохновляли его...

А сколько стихов и песен “вышло из шинели” “Нашего современника”. Это они меня побудили написать и представить в сентябрьском номере вашего журнала большой очерк о нашей песне, единящей людей, укрепляющей дух

нации. Я думаю, что духовные силы авторов “Нашего современника” помогут России преодолеть все испытания.

Дорогой Станислав, дорогой Стасик, все мы благодарим тебя за ту работу, за те усилия, которые ты проявил и проявляешь в нашей литературе. Твори, дерись.

Будь здоров и силён.

Добра, крепости духа, терпения и веры.

Спасибо тебе.

Твой давний друг и сотоварищ,

В. Н. Ганичев.

P. S. Помнишь, мы отмечали 90-летие Сергея Михалкова, где он, слегка заикаясь, сказал: “Вот когда отмечали мне 85 лет, все говорили: “Здóрово, давай до 90”. Глупо было бы обещать, а дожил умно!”

Давай умно жить и дальше.

Какие наши годы!

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

ЕРБОГАЧЁН

Двадцати пяти лет от роду Станислав Юрьевич Куняев закончил филологический факультет Московского университета и уехал на три года в Тайшет Иркутской области работать в районной газете.

Такие решения ниоткуда не берутся. Люди делятся на тех, кто едет “от”, и тех, кто едет “к” или “за”. Как правило те, кто едет “от”, в конце концов уезжают “за”. От “преследования” властью и всех вариантов “непонимания современников” просто за границу... страны или совести – неважно. А кто едет “к” – тот едет к земле и людям – за силой.

Будучи, по его же словам, уже поэтом, но ещё “университетского значения”, Станислав Юрьевич поехал в Сибирь, безошибочно чуя её силу. Русский писатель всегда стремился отшлифоваться, выточиться до зеркального блеска в трудной стихии, где ещё рубцуются смыслы, и, очарованный простотой трудовым народом, причаститься его силы. Вспомним “Казачков” Толстого. Вспомним наших писателей-первопроходцев – Арсеньева, Шишкова, Федосеева...

Сибирская земля обладает удивительным свойством, всё в ней доведено до предела, всё – сам концентрат. Если мороз – то мороз, жара – то жара. Всё в ней плотнее, особенно время. И человек, попавший в её оборот, живёт с удвоенной силой и скоростью, проходит семимильно за год то, что в нашей тёплой размеренной Расеюшке за семь лет проживёшь. Всем известно: морозы калят, расстояния ширят плечи, но ещё больше калят и окрыляют люди, которые среди разреженности населения, привязке его к реке, становятся огромней, тысячевёрстно продлеваясь по Енисею, Тунгускам, Амуру.

*Самолёт пожирает пространство...
Час. Другой. Не видать ни зги,
ни деревни, ни государства,
ни огня — бесконечное царство
бездорожья, тайги и пурги.*

За четыреста лет русский первопроходец отворил путь и насытил сибирскую землю огромным числом чутких к силе переселенцев. Открывшись небывалыми талантами к героическому труду, они сумели заложить-наработать такие пласты охотничьей, золотопромысловой, просто крестьянской традиции, что для писателя дражайшим счастьем стало и наградой – пройти с лотком по хрустальным ключам, намыть бесценного золота.

“Суровая зимняя сибирская жизнь в течение трёх лет спасла меня как человека, как гражданина и как поэта”, — скажет писатель многие годы спустя. Сибирь ускорила духовное становление и подарила России нечастый нынче пример человека, с молодых лет ощутившего в себе дар защитника, твёрдо вставшего на этот путь и никогда не изменявшего выбранному тракту, как бы морозно ни глядели звёзды сквозь голые кроны лиственёй. А как точно он понял Сибирь! Что в стуже спасение. Что “снег и холод препятствует гнили”. Иначе бы не посоветовал: “Когда не хватает тепла — любви леденящую вьюгу”.

Как зверовой пёс восточно-сибирской лайки раз за разом затравливается на сохатого и медведя, так истинный поэт “затравливается” на всё настоящее, истинное, без чего уже сам не сможет. “А как же я? Как же проживу без этого? Когда сухой эвенкийской осенью польётся светлым дождём лиственничная хвоя, и не моё лицо будут щекотать её мягкие иглы — усну ли я на городском своём ложе? И кто-то будет мёрзнуть у ногды, а я нет? Или, как у Куваева: “Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель?” Да не посмеют мне так сказать!”

Из писем Вячеслава Шугаева С. Ю. Куняеву: “...Представь, что будут ещё утиные перелёты, лиственничная хвоя будет осыпаться в лывы, и Добролёт ещё стоит. Мир не так уж плох, как нам бы хотелось. Собираюсь на День оленевода в Ербогачён, в конце марта. Может быть, вырвешься? Какая-то неделя. Столько их уходит просто так — в дым, в чад, в смрад. Конечно, и в Ербогачёне всё просто так и всё-таки всё по-другому.

Олени, солнце, белейший снег, тихие белые излучины, строганина среди хороших и естественных людей. А? По-моему, просто необходимо это сделать.

Обнимаю и жду. В. Шугаев”.

Годы спустя, отвечает Станислав Юрьевич: “Нет, наверное, более счастливых минут в жизни, чем те, в которые, осторожно разводя руками чёрные лапы елей и красные ветви черемухи, ты крадешься по запорошенной снегом траве к заветному можжевельному кусту, куда только что со сладостным для сердца трепетом крыльев, сбивая снег с рябиновых веток, сел вырвавшийся у тебя из-под ног рябчик”.

Ербогачён — село на самом севере Иркутской области. Центр Катангского района. Основан в 1860 году. По-эвенкийски *нербэкэ* означает холм, поросший сосновым бором. Поселение расположено на правом берегу Нижней Тунгуски, Угрюм-реки. В Ербогачёне стоит музей В. Я. Шишкова. Годы спустя после Тайшетской эпопеи в Ербогачён приехал на охоту Станислав Юрьевич Куняев вместе с Вячеславом Максимовичем Шугаевым, жившим в ту пору в Иркутске.

Были костры, запах лиственничного дыма и луч закатного солнца на золотистых соснах *нербэкэ*. Были разговоры в зимовье. Были люди — такие, как Степан Романыч, который плоты гонял с Ербогачёна в Туруханск на Енисей за две тысячи вёрст! Вязал их размоченными молодыми ёлочками — в обруча, которые, подсохнув, брали баланы намертво и не хуже металла. И не ради приобщения к “традиционному образу жизни”, а жись такая была — развёрстка тридцать первого года. Через судьбы таких Романычей балан за баланом и собирается в плот Русская судьба.

А есть ещё и Горный Алтай...

*От голубого огня
плавилась тёмные дали...
Сколько прозрений меня
в эти часы окружали!
И уплывали к утру...
Думаю,
что и поныне
кружат они на ветру
где-нибудь в Чуйской долине.*

Кружат. Правда. И в Курайской степи, и над Чике-Таманом. Сколько ни прочитаешь прекрасных строк о России, пока сам не пройдёшь, не испытаешь на себе её ветра — не станут по-настоящему родными, не войдут в плоть и кровь эти края. Тогда и сами места, и строки о них в такой сплав сольются, что мураши по спине поползут. Пожизненные. Как сейчас...

А ведь есть ещё и Дальний Восток.

*Одну и другую неделю
не видно воздушных путей,
и ты предаешься безделью
среди работающих людей.
В часы предрассветных прогулок
идёшь поглядеть на прилив,
покуришь и бросишь окурочек
в холодный Курильский залив.
Ну что ж, ты дошёл до предела,
а значит, приблизился срок —
душа для работы созрела,
пора раздуть огоньк.*

О чём эти мысли? Этот канонический для русского поэта поворот мужской судьбы? Сейчас поймём.

*Я научился засыпать в седле,
рассчитывать опасное движенье,
не торопясь угадывать во мгле
ведущее к ночлегу направленье.
Я вовремя почувствую беду,
страх одолею и отпряну в страхе,
а если где-то кожу обдеру,
все заживает, словно на собаке.
Я рад, что тело на краю земли
все испытанья выдержало с честью.
Окрепли ноги, руки обросли
какой-то золотистой шерстью.
Как изменилось тело! Но душа
не может быть иной, хоть лезь из кожи.
Она во власти суеверной дрожи
в ночной простор глядит, едва дыша.
Не замечая быстротечных дней,
она живёт иными временами,
и будущее властвует над ней,
и прошлое преследует тенями.
Нет-нет услышу: с милыми людьми
(на что ей эти реки, эти горы!)
она ведёт немые разговоры,
глядит в слезах в родимые просторы,
в другие ночи и другие дни.*

Так вот зачем дарована очарованному страннику эта даль, этот ветер, этот богоданный Ербогачён. . . Чтобы замереть по-над Тихим океаном, Катунью или Угрюм-рекой (уже и неважно) и, поражённому красой мира, услышать, наконец, голос собственной души, заглушённый городским шумом, раскрыть совесть, освободить память — и свою, и предков — и понять, что они едины. И защитить. И сказать, спустя жизнь: “Я-то знаю твоё объятье, // я тобой навсегда обречён, // ты стоишь надо мной, как заклатье, // мой пожизненный Ербогачён!” Сколько таких Ербогачёнов, Кайерканов, Суриндаконов и Магдагачей навсегда овладевали молодыми русскими душами, и какая могучая в этом преемственность. . .

“Что ж, пора приниматься за дело, // за старинное дело своё”.

Пора. Но теперь моя закалённая Ербогачёном душа, узнавшая себя, уже настолько сильна, что никакой город не заглушит её голос шумами своими, никакой умник не собьёт с пути речами, и будет она верна себе во граде, веси или острове — хоть где.

Низкий поклон Вам, дорогой Станислав Юрьевич, от писателей Красноярья и многая лета! Ербогачён Вас слышит! И ждёт.

Красноярский край

ЧЕМПИОН ПО “ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ МНОГОБОРЬЮ”

Прежде всего, поражает его разносторонность, при том, что в любом из своих воплощений, в любой из ролей, в любой ситуации жизни Станислав Юрьевич Куняев всегда прям, непритворен, открыт и азартен. Вот не такой уж и давний заплыв по Угре – и он, с неизжитым спортивным задором, пускается наперегонки со спутником, который моложе него на тридцать лет. Вот новогоднее застолье в редакции “Нашего современника”, где собираются литераторы со всей страны, и Куняев здесь – настоящий симпозиарх, предводитель шумного пира. Вот больница, где наш юбиляр перенёс три операции сразу – своего рода рекорд! – и где на него с восхищением и изумлением смотрели все медики, от главного хирурга до девочки-санитарки.

А калужский бор в тридцатиградусные морозы – и лыжный куняевский марш-бросок к огромной любимой сосне, вероятной праматири всех сосен бора? А огненные полки калужских парных – где температура на добрую сотню градусов выше, чем в зимнем бору? Вот в таких перепадах температур – и противоречиях жизни! – существует Станислав Юрьевич Куняев, всегда оставаясь собою самим, удивительным и неповторимым. Кажется, он умудряется жить во все стороны сразу, наступать по всем фронтам бытия, и в этом своём наступлении быть одновременно и солдатом, и генералом.

Многие, думаю, недоумевают: отчего это Куняев, большой русский поэт, многолетний редактор знаменитого журнала, публицист и историк, признанный лидер не просто русской литературы, но и всего современного русского мира, – отчего это он, да ещё достигший возраста патриарха, не просто с молодым упоением рассказывает о своих юношеских победах на стадионах или в былых уличных драках, но и сейчас готов, кажется, плыть по реке, ловить сёмгу в любимой Мегре или даже вступить в рукопашную схватку? Зачем ему, всё и всех победившему, всё и всем давно доказавшему, доселе длить эти молодецкие игры? Что это – кипение жизни, ещё не вполне исчерпавшей себя? Или это лукавство большого ума, нисходящего к нам, собеседникам, чтобы быть нам понятней и ближе?

Мне в легендарной куняевской удали видится смысл, подводящий нас к замыслу о гармоническом человеке. Мечта о таком человеке испокон века сопровождала людей, иногда воплощаясь в реальности. Так античность строила свой идеал человека, который был должен уметь и сражаться, и философствовать, и возлещать на пирах, и побеждать на стадионах. Так в XV веке возник Леонардо, чьё имя стало давно нарицательным, обозначающим исключительную одарённость во всех сферах жизни. Так Шекспир устами Гамлета сказал об одном из своих персонажей: *“Он человек был – в полном смысле слова...”* (И я при этих словах всегда вспоминаю именно о Станиславе Юрьевиче, только с радостью заменяя прошедшее время на настоящее.) Так был Гёте, с одинаковым жаром погружавшийся что в недра “Фауста”, что в науки, что в кипельно-практической жизни. Так явился наш Пушкин, о котором его гениальный младший брат написал, что он, дескать, *русский человек в его развитии, каким он явится через двести лет*. Так появился Чехов с его знаменитой фразой о том, что *“в человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли”*. И всё это – примеры воплощённой мечты человека о себе самом, гармоническом и полноценном. Пожалуй, нет выше задачи, но и нет тяжелее ноши, чем постараться в своей ограниченно-краткой судьбе воплотить эту самую гармоническую полноценность.

И вот, возвращаясь к нашему юбиляру, я порой думаю: а что, если был бы такой вид спортивного многоборья под названием “человек”? То есть в зачёт шли бы все вообще проявления человека, со всеми способностями и достижениями его тела, души, ума, воли, духа в их сложном единстве? И длилось бы состязание это не час и не день, а всю, скажем, жизнь? Так вот, я совершенно уверен, что в таком воображаемом состязании по “человеческому многоборью” наш дорогой Станислав Юрьевич является абсолютным

чемпионом не то что России, а целого мира! Всей своей жизнью, всем ярким, азартным накалом её он показал нам возможность человека как такового, прекрасного и гармоничного, и вот именно это должно наполнять нас, его современников, восхищением и благодарностью.

А теперь простите меня, дорогой Станислав Юрьевич, что я столько наговорил о Вас в третьем лице, и позвольте обратиться к Вам напрямую. Многая лета Вам! Твёрдой руки, ясных мыслей – и радости! Ваш Андрей Убогий.

Калуга

ЮРИЙ КОЗЛОВ

главный редактор журнала “Роман-газета”

“ВАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА ВАМИ!”

85 лет – магическая цифра в жизни любого человека. Особенно поэта и особенно в России. К Станиславу Куняеву – большому русскому поэту и многолетнему главному редактору лучшего российского литературного журнала “Наш современник” – вполне применимы строки Тютчева: “Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые. // Его призвали всеблагие, // Как собеседника на пир”. От себя лично как почитателя поэтического и публицистического таланта Станислава Юрьевича, а также от редакции дружелюбного “Нашему современнику” журнала “Роман-газета” хочу пожелать ему как можно дольше оставаться на божественном пиру, пить из чаши бессмертья всеблагих. Тем более, что его талант по-прежнему в силе, гражданская позиция несокрушима, а редакторская рука тверда и мудра. Сразу оговорюсь, что единицей измерения мудрости редактора литературного журнала сегодня является не только качество публикуемых материалов, но и сам факт его существования, а также наличие в нём сотрудников, получающих определённое вознаграждение за свою работу и подвижническую преданность литературному делу. В 85 лет Станислав Куняев не превратился в почивающего на лаврах патриарха. Он молод душой, его энергии и ясности мысли завидуют молодые (и не очень) собратья по перу. Станислав Куняев – живая энциклопедия русской литературы нового времени, его опыт близкого – творческого, духовного и товарищеского общения с её столпами – Распутиным, Беловым, Бондаревым, Кузнецовым, Кожиновым, Лобановым и многими другими писателями бесценен и уникален. Долгих и плодотворных лет жизни Вам и “Нашему современнику”, уважаемый Станислав Юрьевич. Ваше дело правое! Победа будет за вами!

РОМАН СЕНЧИН

ГОРЯЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Почему-то повелось считать шестидесятниками так называемых “западников”, “либералов”, “эстрадников”. Но и “деревенщики” (термин этот давно утратил свою иронически-пренебрежительную окраску), “тихие лирики” тоже вышли из того мгновения отечественной истории, которое получило название “оттепель”.

У многих из них – и тех, и других – была общая юность, литературные, художественные студии, их объединяла романтика великих строек, плаваний

по северным морям, геологические партии... Это были очень горячие, эмоциональные люди, и эта эмоциональность не оставляет их всю жизнь, горит в них и в преклонном возрасте. Пусть вскоре после окончания “оттепели” они разошлись, оказались на разных полюсах, но складом характеров, категоричностью в отстаивании своих убеждений всё же оставались близки.

Один из таких горячих людей – Станислав Юрьевич Куняев.

Кажется, впервые я узнал имя Станислава Куняева лет в одиннадцать. Прочитал в “Литературной газете” его статью от “Великого до смешного”. Уже тогда я был поклонником Владимира Высоцкого, хотя слышал к тому времени – это был 1982 год – едва ли десятую часть песен Высоцкого, видел всего несколько фильмов.

Статья Куняева меня не возмутила (как многих), хотя в ней о Высоцком говорилось нелицеприятно, а вызвала интерес и нечто вроде благодарности. Кажется, это были первые строки, которые я о Высоцком прочитал в печати. Хотя благодарность соперничала с желанием задать автору вопросы, попытаться поспорить об оценке некоторых песен, которые Станислав Куняев критиковал, и я их уже знал.

С тех пор я читаю всё, что мне встречается за подписями “Станислав Куняев”, “Ст. Куняев”, и всегда возникает потребность обговорить статью, очерк, воспоминание... Познакомившись (а это произошло в 1997 году), мы несколько раз дискутировали или за рюмочкой, или без, иногда на ходу, встретившись на улице в огромной, но каким-то магнитом упорно сталкивающей некоторых людей друг с другом Москве. И Станислав Юрьевич, такой непримиримый в своих текстах, оказывался в разговорах всегда хоть и эмоциональным, но сдержанным, вооружённым крепкими доводами соперником.

Вообще одно из поразительнейших качеств Станислава Юрьевича – он знает наизусть множество стихотворений тех, кого считает своими противниками, о ком пишет порой беспощадные строки. Победить в споре Куняева, как я убедился, практически невозможно. Наверняка легче поругаться, разорвать отношения, сделать вид, что его просто нет, что многие и делали.

Сегодня известностью пользуются публицистические книги Станислава Юрьевича, его воспоминания. Кто-то их восславляет, кто-то – поносит последними словами. К сожалению, о Куняеве-поэте вспоминают теперь редко. А ведь он, в первую очередь, поэт, и весь жар его произведений других родов литературы объясняется этим. Поэты холоднокровными быть не могут, чем бы ни занимались.

В домашней библиотеке моих родителей была полочка книг поэтов 60–70-х годов. В основном тоненькие, потрепанные, в мягких обложках сборники. Рядом и Соколов, и Слуцкий, и Шаламов, и Евтушенко, и Куняев, и Вознесенский, и Рубцов, и Жигулин...

Из стихотворений Станислава Юрьевича мне первым запомнилось не “Добро должно быть с кулаками”, которого, скорее всего, и не было в тех его сборниках в нашей библиотеке, а вот это, поразившее меня, подростка, с первого прочтения:

*Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.*

Пусть ветшают...

Недаром с веками

в средиземноморской стороне

*белый мрамор — античные камни, —
что ни век, возрастает в цене.*

Штукатурка. Покраска. Побелка.

Подмалёвка ободранных стен.

*Совершилась житейская сделка
между взглядами разных систем.*

*Для чего? Чтоб заезжим туристам
не смущал любознательный взор
в стольном граде иль во поле чистом
обезглавленный тёмный собор?*

*Всё равно на просторах раздольных
ни единый из них не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт!*

Не знаю, может, советских цензоров ввёл в заблуждение этот лежащий на поверхности призыв не реставрировать церкви, а может, были в издательстве сотрудники, разделяющие идею стихотворения. Но так или иначе, оно было особенным в те времена, неожиданным и в то же время закономерным.

Обо всей России говорить не могу, но у нас, на юге Красноярского края, в 70-е – начале 80-х стояло много заброшенных, полуразрушенных, непригодных и под склады церквей. Их разрушало в те годы уже не государство, а те люди из народа, “крепкие мужики”, о каких написал в одноимённом рассказе Василий Макарович Шукшин.

Стихотворение, судя по дате под ним, было написано в 1975-м. Тогда в атеистическом советском обществе началось движение за сохранение старины. Некоторые церкви стали потихоньку восстанавливать. Те, что представляли пресловутую “историческую ценность”, о чем опять же писал Шукшин в рассказе “Мастер”.

Протест против этой лицемерной, лживой, без души заботы о старине наверняка и заставил написать Станислава Куняева такое тяжёлое, но честное произведение.

...Лично с автором стихотворения я познакомился вскоре после того, как стал учиться в Литературном институте. Я предложил в журнал “Наш современник”, главным редактором которого является Станислав Юрьевич, свой рассказ “Прогноз погоды”, написанный после трёх лет жизни в сибирской деревне. Благодарен, что рассказ был принят, опубликован. С тех пор я автор “Нашего современника” и соратник Станислава Юрьевича, а случается, оппонент.

Теперь я живу не в Москве, редко бываю в редакции “Нашего современника”, и мне не хватает этого умного, горячего человека. Но выходят его статьи, очерки, как всегда, вызывающие волнение и желание поговорить, обсудить, отозваться... Здоровья Вам, Станислав Юрьевич, энергии и сил! Шевелите нас, сонных и вялых, жгите глаголом.

Екатеринбург

ВЛАДИМИР КРУПИН

“ИНО ЕЩЁ ПОБРЕДЁМ...”

Станислав Юрьевич, я столько о тебе писал, и всегда с радостью. Тянул-ся за тобой, и всегда безуспешно, в рифмовке, например. Писал “Поэму странствий” Байкальского меридиана: “Поэма странствия, она Куняеву посвящена”.

А уж на тему рыбалки! Обидно же мне, что лучшее, что написано о Куняеве-рыбаке, написано мною, совсем не рыбаком. Вот зачем ты не захотел печатать мою махонькую повесть “Ловцы человек”? – “Мне неудобно, это обо мне, в моём журнале, что подумают?”

А что подумают? Вот какой у нас Станислав Юрьевич, и как его лихо Крупин описал. Никто тебе не мешает её и сейчас тиснуть.

Да, братья и сёстры! Станислав Куняев исключителен, единичен и велик в русской прозе и поэзии. Именно так. Более того, скажу, что именно пост главного редактора и его публицистика заслоняет от читателей его высокую поэзию, удивительную прозу. Только что паки и паки читал его рассказы, о Степане Фаркове. О! И ещё раз “О”! Дал безсмертие русскому человеку, воину, страдальцу, тому великому русскому характеру, на котором выжила и выживет Русь.

А взять стихи. Да что! Этот мальчишка в шинели в церкви в снежный вечер в Калуге. Или: кто теперь вспомнит, что “Дети Арбата” – это чей-то роман. Да это же стихи Куняева. Тут уж “на грузинское имя не спишешь”.

Станислав Юрьевич, сколько врагов из-за тебя зубные протезы носят – зубы о тебя сломали. Жалко дураков. Ну, признайтесь, что Куняев лучший русский поэт современности (из ныне живущих мужчин, из женщин – Сырнева), лучший редактор, а что публицист лучший, так почитайте его работы о поляках, Холокосте, Серебряном веке, шестидесятниках. Читали же! И всё не успокоитесь? Странно. Я думал, вы умнее.

Ну вот, брат во Христе Стахий, отъюбилеим и “ино ещё побредём”.

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

ПО СЕБЕ ЗНАЮ СИЛУ ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКИ

Дорогой и глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Писатели Кузбасса, которые являются читателями-подписчиками журнала “Наш современник” – всенародного русского журнала, возглавляемого Вами, от души поздравляют Вас с достойным 85-летним юбилеем!

По себе знаю силу Вашей поддержки. Предисловие к моей книге стихотворений “Посредине России”, написанное Станиславом Юрьевичем Куняевым несколько лет назад, до сих пор помогает мне чувствовать себя в строю русской литературы.

Помогающую силу Вашего слова ощутили и мои друзья, поэты Кемерово: Николай Колмогоров, Борис Бурмистров, Любовь Никонова. Такую поддержку всегда ждали, получали и получают от Вас талантливые поэты и прозаики бескрайней русской провинции.

Силу Вашего убеждения, дорогой Станислав Юрьевич, чувствуют читатели журнала и книг, в них поэты Серебряного века и поэты советского времени предстают часто в новом свете. Навсегда запомнились мне выстраданные жизнью, пророческие строки, прочитанные Куняевым со сцены филармонии в Кемерово:

*Мы павших своих не считали,
Мы кровную месть не блюли,
И, может, поэтому стали
Последней надеждой земли.*

Дорогой юбиляр! Да хранит Вас Бог.

Кемерово

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ВОИН

Со Ст. Ю. Куняевым я познакомился у В. В. Кожина в 1980 году. Тот и другой заинтересовались моей тогда ещё не опубликованной статьёй о Пушкине, оценили её, и Станислав Юрьевич пригласил меня к себе домой.

Он тогда только приехал с Севера, куда регулярно ездил на рыбалку. Жена Ст. Ю. Галина пригласила нас к столу, где главной закуской была сёмга собственного улова и посола. К сёмге хозяин дома поставил графинчик неразведённого спирта. Разливая в рюмки, спросил: “Тебе разбавить водой?” Я ответил: “Нет, привык водой запивать”, – чем, мне кажется, повысил, как сегодня принято говорить, рейтинг доверия.

Мы говорили об обстановке в стране, о восточной философии, к которой он относился в ту пору, скажем так, сдержанно. Ему больше нравились мои патриотически активные стихи. В нём, безусловно, жил человек глубоко православный, причём воин. Таким воином он остался и до наших дней, и годы никак не повлияли на его мощный гражданский темперамент. Читаю его только что написанные статьи и вижу, насколько молод он по духу и сегодня, когда ему исполняется 85. Его православие, как и у Кожинава, на мой взгляд, было основано не только на религиозном чувстве, но, прежде всего, на идеях патриотизма и защиты русской культуры во всех её видах от посягательств тех, кто её искажает и разрушает.

Я внимательно слежу за тем, что пишет Ст. Ю. Куняев, высоко ценю его и как поэта, и как автора замечательных статей и книг. Недавно прочёл его исследование о Серебряном веке. Свой отклик я изложил в письме ему, которое было опубликовано в самом любимом моём журнале “Наш современник”. Мне очень близка позиция Ст. Ю. Куняева по большинству вопросов, волнующих сегодня всех патриотически настроенных людей.

Считаю Станислава Куняева фигурой ничуть не меньшей, чем покойный Вадим Кожин и здравствующий Александр Проханов, столь же крупным лицом в истории движения русской мысли, в литературе, политике, охране наших национальных начал, как и они. Журнал “Наш современник”, возглавляемый им уже больше, чем четверть века, сделал для русской литературы столько, сколько не сделал ни один литературный журнал страны. Не буду перечислять (это лучше меня сделали другие авторы) все блистательные фигуры в нашей прозе, поэзии, публицистике, литературной критике, которые были представлены на страницах журнала. Сколько новых талантливых имён нашей словесности было открыто именно этим изданием! А как ждут очередного номера журнала в культурной провинции патриотически настроенные читатели! Сам это видел в Сибири и на Алтае. Но, может быть, самое главное – “Наш современник” вместе с газетой “Завтра” отстояли русский путь и сумели повлиять на курс нашего государственного корабля, повернув его траекторию в правильном направлении. Может быть, это неочевидно для неопытного читателя, но я убеждён, что дело обстоит именно так. Потому здесь публикуются не просто литераторы, но и серьёзные государственные люди, наша патриотическая элита – Дмитрий Олегович Рогозин, Николай Иванович Рыжков, Сергей Иванович Бабурин, Юлий Александрович Квицинский, Наталья Алексеевна Нарочницкая. Не помню, чтобы хоть в одном либеральном литературном журнале печатались бы политики такого калибра. Но разве могло бы это состояться без такого мощного магнита крупного русского поэта, критика, публициста, мемуариста и организатора литературного процесса, как Станислав Юрьевич Куняев?!

Не могу не выразить благодарность Станиславу Юрьевичу за то, что именно “Наш современник” опубликовал множество моих стихотворений и статей и поддержал меня в трудные моменты моей жизни, когда меня по идеологическим соображениям нигде не печатали. Некоторое признание, которое получили мои стихи и публицистика в последние годы, – огромная заслуга “Нашего современника”.

Многая лета, дорогой Станислав Юрьевич! Поздравляю Вас с этой некруглой, но весьма почтенной датой! Сам почти два года назад прошёл через такой же юбилей и понимаю, как непросто сражаться за страну в таком возрасте. Держитесь, страна нуждается в таких людях, как Вы!

Новосибирск